

тельственная власть считала долгомъ заявлять свое почтеніе къ дѣламъ Петра, такъ новые приемы жизни крѣпко усвоивались въ служебной области и правахъ. Правда, первая наука давалась туго; тяжелое на подъемъ дворянство жаловалось, когда однихъ требовали на службу, другихъ въ науку,—но такъ бывало и въ древнемъ Кіевѣ, когда Владиміръ велѣлъ брать въ ученіе дѣтей «нарочитое чаді». Но въ школѣ и службѣ временъ Петра, когда онъ самъ давалъ такой рѣдкій и поражающій примѣръ неустаннаго труда, было столько серьезнаго дѣла, что въ умахъ осталось сильное впечатлѣніе нравственной обязанности частнаго лица къ обществу и государству. Этого настроенія нельзя не видѣть въ «слугахъ Петровыхъ», и довольно указать на Посошкова, чтобы убѣдиться, какъ оно овладѣвало и разумными людьми, стоявшими далеко отъ всякой власти, но понимавшими значеніе своего времени. Здѣсь возникали начатки того общественнаго мнѣнія, которое медленно, но больше и больше растетъ съ тѣхъ поръ, внося въ пассивное общество все болѣе дѣятельное сознаніе. Просвѣтительные элементы принимались всѣми пробужденными умами съ такимъ горячимъ участіемъ, что было бы ослѣпленіемъ не видѣть въ этомъ большого историческаго факта и доказательства именно *національнаго* успѣха реформы.

Въ этомъ распространеніи общественнаго сознанія заключается нравственный результатъ реформы для общества, и историческій интересъ его внутренней жизни съ прошлаго вѣка и до нашего времени. Съ теченіемъ времени вырастаетъ отсюда и укрѣпляется *самостоятельное* движеніе общественной жизни. Правительственная власть содѣйствовала этому однимъ—мѣрами въ пользу просвѣщенія; но мѣры были, въ общемъ счетѣ, весьма скудны: со времени основанія академіи наукъ,—влачившей въ первое время весьма жалкое существованіе, когда уже не было человѣка, ее задумавшаго,—только въ 1755 году основанъ былъ московскій университетъ, единственный на цѣлое столѣтіе, и также долгіе годы не бывшій въ состояніи широко работать для русскаго просвѣщенія. Если прибавить еще двѣ духовныя академіи, въ Кіевѣ и Москвѣ, то мы назовемъ всѣ высшія ученыя и учебныя заведенія имперіи прошлаго вѣка. Но при всей скромности образовательныхъ средствъ, литература представляетъ замѣчательное развитіе, которое надо поставить на счетъ собственнымъ силамъ общества.

Исторія литературы прошлаго вѣка опять свидѣтельствуетъ о большой постепенности перехода отъ московской старины къ